Автор: Денискова Е. (Украина)

Данная статья является продолжением обсуждения и осмысления темы «экзистенциальная психопатология», начатой на страницах этого журнала (Алексейчик, 2005; Денискова, 2011; Дмитренко, 2008; Тимофеева, 2013; Ромек, 2002). Сюжет для осмысления возник благодаря истории одного из персонажей трагедии У. Шекспира «Гамлет» — Офелии. Персонаж Офелии показался очень современным, а сумасшествие героини привлекло внимание распространенностью и, в некоторой степени, универсальностью сюжета. Его содержание включает в себя взросление как встречу с несправедливостью взрослого мира и дает возможность увидеть, как и почему юный человек может с этим не совладать.

Экзистенциальная библиотерапия, азы и основы которой еще в восьмидесятые годы XX века задал А.Е. Алексейчик, помимо широких возможностей в терапии с клиентом, открывает также исследовательские перспективы. Я имею в виду работу с литературным текстом как с феноменологическим материалом (Алексейчик, 2005). Писатель, ухватив определенный жизненный феномен, высвечивает его в своем произведении, делая его наглядным и доступным для осмысления.

Здесь мы попытаемся «поймать» «феномен Офелии» — ответить на вопрос: почему и от какой жизни на этапе перехода от детства к юности человек может сбежать в сумасшествие.

История Офелии у Шекспира

История жизни и гибели Офелии похожа на сказку со страшным концом. В богатой семье известного государственного деятеля росла маленькая дочь. Офелия была вторым ребенком в семье. Как обычно это бывает с младшими детьми — она была окружена особенной заботой, вниманием и любовью всех членов семьи. И жизнь у нее была светлая и счастливая. Потом умерла мама. Тяжелое испытание, потеря. Маленькую Офелию еще больше стали опекать, скорее всего, баловали. Постепенно детская рана затянулась, и хорошая жизнь продолжалась. Жизнь маленьких девочек состоит из сказок о принцессах и принцах, и Офелия не была исключением. Рано или поздно принцессы выходят замуж за принцев. И Офелию убеждали ее родственники, что она прекрасная маленькая принцесса и у нее непременно все будет как в сказах, которые она любила. Девочка верила в свои сказки, но еще больше верила папе и брату. Верила и во всем на них полагалась. Так она жила до подросткового возраста. И вот, как само собой разумеющееся, в ее жизни появляется принц, причем настоящий: взрослый, красивый, умный, наследник богатого престола. Начинает за ней ухаживать. Пишет любовные письма, дарит подарки, зовет на свидания. Все, как и должно быть в ее сказке. Потом принц уезжает на учебу. Расставание, страстные клятвы любить и ждать. Письма, письма... Проходит время, ей уже почти шестнадцать лет — возраст, когда девушки ее времени выходят замуж.

В королевстве происходит трагедия. Странным образом умирает король, отец ее любимого. Все одеваются в траур, и Офелия тоже — как дочь особо приближенного к престолу лица. Это ужасное событие беспокоит девушку, поскольку оно интенсивно обсуждается в семье, а ее отец — управляющий королевским двором. Она охает и ахает, как и другие придворные дамы, соболезнует королеве, носит черное и как-то участвует в общей суете. Королева скоропостижно выходит замуж за своего родственника. Траур по усопшему еще не окончен, а в королевстве уже новый король. Для Офелии в этих трагических и странных событиях ничего странного. Все это ее не трогает, не тревожит.

Она продолжает жить в своем сказочном мире и ждать возвращения принца.

Возвращается возлюбленный. Он сильно изменился. Ничего не говорит и очень странно себя ведет. Она это отмечает про себя, но не пытается понять, что с ним происходит, поговорить с ним. Зато ее тревожит, что принц к ней относится уже не так, как раньше. Не ведет себя как пылкий влюбленный после долгой разлуки. Именно это для нее странно. Это уже не похоже на сказку. Начинается первая нестыковка жизни с ее сценарием. При этом девушка совершенно не проникается ситуацией возлюбленного. А ситуация тяжелая и страшная: у молодого человека неожиданно умер любимый отец, и не успел он оправиться от этой страшной новости, как последовал второй удар, еще более страшный — предательство. Мать, не дожидаясь конца траура по отцу, которого, как он всегда видел, она нежно и преданно любила, — выходит замуж за своего родственника, человека глубоко несимпатичного во всех отношениях. От всего этого горя, ужаса и абсурда можно сойти с ума.

Оказывается, что для Офелии невозможно посочувствовать возлюбленному. Эта девочка выросла неспособной к состраданию. Ей ни в сердце, ни в голову ни пришло, что ее «возлюбленный» ведет себя необычно, потому что на него свалилось тяжелое горе. И она не может это почувствовать. Ей не до Гамлета и его горя, не он ее заботит. Офелию заботит то, что она, возможно, уже не любима своим принцем.

Гамлета глубоко ранит поведение Офелии, и он обижается на нее за эту бесчувственность и равнодушие к его беде. Он бросает ей достаточно жестокие для девочки, выросшей в тепличных условиях, обвинения. Расценивает ее отношение к нему как предательство и сравнивает ее со своей матерью, выделяя сходство бесстыдного поступка мамы и изменчивой любви своей возлюбленной. Вообще их отношения довольно нетипичны для влюбленных, которые давно не виделись. Они не разговаривают по душам, Офелия не утешает возлюбленного, а Гамлет не открывается

ей, видя, что она не сочувствует, не понимает и не хочет его понять.

Отец и брат вдруг ни с того ни с сего начинают плохо отзываться о Гамлете, убеждать ее в том, что она ему не пара, что он никогда не женится на ней, а только «поиграет и бросит». Что нужно «держать ушки на макушке», не верить в его лживые обещания и что он вообще тип ненадежный, «мутный» и ждать от него можно чего угодно. Хотя до недавнего времени они ей «пели» совсем другие песни. Готовили стать принцессой. Это еще одна трещина между сказкой и реальной жизнью. Ее мир, достаточно простой и понятный, начинает существенно усложняться, и происходит это с большой скоростью.

Брат и отец убеждают ее, что принц сошел с ума. Офелия не понимает, что происходит, однако предпочитает поверить брату и папе, нежели возлюбленному. Так легче. Папа и брат — это оплот ее маленького детского мирка, в котором все хорошо и понятно. Гамлет же — это ее проводник во взрослый мир. Во взрослую самостоятельную жизнь, которая начала сильно ее пугать. Желая сохранить покой, она выбирает быть на стороне отца и брата, взрослых, которые «защитят, растолкуют непонятное и все сделают правильно». Испугавшись нависших над ней сложностей, она предает Гамлета, отворачивается от него и не становится надежной опорой в трудное для принца время. Кроме того, отец вместе с королем и королевой втягивают ее в свои интриги, подговаривая проследить за Гамлетом и «вывести его на чистую воду». Она, не моргнув, соглашается на предательство, не понимая, что делает.

Перемена в Офелии произошла резкая, и Гамлет чутко отреагировал на это. Это тоже интересный момент. Еще вчера любила и ждала, а стоило родственникам убедить ее, что Гамлет «плохой» — тут же начала сомневаться, искать и находить подтверждение сомнениям. Допустим, нашла, пусть даже и не одно. Разве это повод отказываться от любимого человека? Если он действительно любимый — нет. А если занимает должность «любимого человека»? Для Офелии не просто рушились ее отношения с

Гамлетом, рушился ее мир, ее сказка, рушилось ощущение понятной, распланированной жизни, в которой все идет своим чередом и следует друг за другом в строго установленном ею порядке: принцесса взрослеет, в нее влюбляется принц, она, разумеется, отвечает ему взаимностью. Они женятся, рожают детей и живут счастливо, потом Гамлет становится королем, а она королевой. А в конце умирают в один день от старости в окружении многочисленных детей и внуков. Никаких предательств, непонятных обвинений, несправедливых обид, неожиданных поворотов сюжета и всего, что стало врываться в мир Офелии.

Отчуждение нарастает.

Бывший возлюбленный на нее обижается, и для Офелии, похоже, это новый опыт. Никто прежде на нее не обижался по-настоящему. Это следует из ее реакции на обвинения Гамлета. Она ничего внятного не может ответить на обвинения в свой адрес, не возмущается, когда Гамлет говорит пошлости, а прибывает в большом недоумении, не понимает, за что он так с ней обходится, и в чем ее вина? Несостоявшаяся принцесса убеждена, что ее принц сошел с ума от любви, поскольку (как утверждали отец и брат) он никогда не сможет жениться на особе не королевской крови, а будет вынужден жениться на нелюбимой, зато королевских кровей. Ее же, любимую, никогда не сможет забыть и жить без нее не сможет. Вот он от горя и сошел с ума. Никаких других версий ее сказочный мир ей предложить не мог. Конечно же, только так, и никак иначе. Все дело в несчастной любви! Эта незатейливая формула была понятна Офелии и вполне приемлема как объяснение. В дальнейшем она продолжает выбранную (хотя и не совсем самостоятельно) линию поведения с Гамлетом. Нельзя сказать, что ей были безразличны уколы Гамлета, его циничное обращение. Вероятно, она страдала. Все-таки это возлюбленный, хоть и бывший, и с ним она хотела связать свою жизнь. Он был для нее частью той прекрасной, светлой сказки, которую она придумала для себя и в которой жила до недавних пор. И он виноват в том, что эта сказка стала превращаться во что-то непонятное и пугающее. Он предал ее, отказался от нее. Но как, а главное,

почему это произошло — она не могла понять. Наверняка это ее мучило. Когда во взрослой жизни сохраняется детское представление о том, что ты центр вселенной и все софиты этой жизни светят только на тебя — дело может закончиться трагично. Офелия думала только о себе, о том, что с ней поступили несправедливо, что она не заслужила такого отношения, что она «беднейшая из женщин, с недавним медом клятв его в душе», сломанный цветок и т.д., упиваясь своей правотой, чистотой, невиновностью, страданиями от несправедливых обвинений и неожиданного предательства. Гамлет не зря отправлял ее в монастырь, намекая на принятый ею образ непорочной мученицы. Но ведь беда в том, что это был не просто образ. Убеждение Офелии — искреннее; ей именно так представлялось то, что с ней произошло. И в этом смысле ее нельзя уличить во лжи, лицемерии и сознательном предательстве. Она чувствовала себя жертвой, и она ею была. Ее детский по своим масштабам и простоте мир все более и более усложнялся, и с этим уже становилось трудно справляться. Слишком много вопросов за короткий промежуток времени жизнь ставила перед ней. Вопросов, к которым она была не готова и на которые не могла ответить. Здесь вырисовывается проблема: можно ли заранее подготовиться к жизни? Ко всем ее вызовам, выпадам, вопросам? И если да, то кто виноват в том, что эта девочка-девушка оказалась не готовой встретиться с иной, незнакомой жизнью и устоять перед ее испытаниями?

Последним испытанием, которого не выдержала Офелия, стала гибель отца от руки разлюбившего ее (как она считала) возлюбленного. Эта комбинация, уже совсем сложная, окончательно расколола ее мир. События непонятные, сложные, страшные, быстро меняются. Жизнь стремительно усложняется, и у нее нет ответа на эти изменения. Офелия не справилась с переходом во взрослую жизнь. Ее реакцией стал побег от этой непонятной и невыносимо сложной жизни в безумие. Немного погодя она утонула в реке. Шекспир как будто специально выбрал образ стремительного бурного потока, который вынес Офелию из жизни. Автор хоронит ее как самоубийцу — возможно тоже не случайно. Здесь вспоминается главный герой романа Набокова «Защита Лужина», который пытался понять сложные комбинации жизни, просчитать их, как обычно просчитывал шахматные партии. Но так и не смог, потому что мир его шахматной доски был гораздо проще и понятнее, чем то, что предлагала беспощадная, пугающая своей сложностью жизнь.

Ребенок в мире взрослых

Чтобы понять, что произошло с Офелией, нужно представить и понять мир, в котором она существовала. Если внимательно вчитываться в текст трагедии, можно увидеть, что Офелия жила в «дет-ском» мире. Кавычки здесь означают, что этот мир не в буквальном смысле был детским, а очень напоминал по своему устройству мир ребенка. Итак, мир Офелии был «детским», хотя по своему биологическому возрасту она уже ребенком не была. Скорее, это был переходный этап между подростковым возрастом и ранней взрослостью. Последствия этого несоответствия рассмотрим чуть позже, а пока остановимся на том, как устроен мир ребенка. Как вообще устроен детский мир, чем он отличен от мира взрослых? Первое и основное свойство детского мира — его простота. В нем все ясно, понятно и определенно. Лучшее, на мой взгляд, выражение сущности детского мира — слова знаменитой детской песни «Солнечный круг»: «Пусть всегда будет небо, пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!». Детский мир светлый и радостный. Все любимое и близкое сердцу в этом мире вечно (в том числе и сам ребенок). В нем важное место занимает безопасность и комфорт — то, что обычно обеспечивают близкие взрослые. Главный герой этого мира — маленький «Я». Все, что случается в детском мире, касается ребенка непосредственно. Оно либо вызвано им, либо существует и происходит для него. Ребенок — центр мира.

Простота детского мира означает отсутствие сложных для понимания и проживания событий, ситуаций и отношений. В этом мире нет интриг и двойного дна, как во взрослом мире, где белое не всегда белое, а «да» может быть «нет», и все это зависит от множества сложных условий и хитросплетений игр взрослых людей. Ребенок живет в мире «великанов»-взрослых, он тянется к ним, подражает. Мир взрослых для него волнующе-притягателен и загадочно-недостижим. Но может быть пугающе-враждебным, а сами взрослые чужаками, как для Питера Пэна. Или странным, непонятным, безумным, настораживающим и лживым, как для Ольги, главной героини повести Эфраима Севелы «Зуб мудрости» (Севела, 2002), и Руслана, главного героя фильма Вадима Абдрашитова

«Плюмбум, или Опасная игра».

Взросление — это сложный, тяжелый и болезненный процесс. Часто на границе перехода от детства к юности и от юности к взрослости происходит проверка на прочность, устойчивость. На готовность человека к жизни. Сама жизнь проверяет. Граница перехода — тонкое место. А, как известно — «там, где тонко, там и рвется». Бывает так, что молодой человек не справляется с этим переходом. Из психиатрической практики известно, что патологические проявления и обострения довольно часто происходят как раз в эти периоды. Но мне не хотелось бы сужать проблематику только до возрастных кризисов. Полагаю, что на эту проблему необходим более широкий взгляд. Не возраст как таковой определяет ситуацию кризиса, а изменения, которые происходят в жизни, и реакция человека на них. Они могут совпадать с определенными возрастами, а могут и не совпадать. Человек оказывается перед лицом иной, неизвестной ему ранее жизни, вступает в нее и оказывается к ней не готов. Его прежняя жизнь начинает усложняться, и он вынужден как-то справляться с этим сложностями, у него должны появляться ответы на трудные вопросы жизни.

Когда заканчивается детство? Когда на ребенка беспощадно обрушивается осознание несправедливости мира. И ему нужно к этому как-то отнестись. Взросление — это не столько процесс, сколько череда довольно сложных событий, пережив которые человек осознает себя в новом качестве — повзрослевшим. Можно сказать, что человек взрослеет, когда становится способным встречаться лицом к лицу с реальной жизнью. Жизнь ставит под сомнение весь твой прежний мир и тебя самого, устраивая проверку на прочность. В этой проверке все слабое, нежизнеспособное, неистинное должно отмереть, разрушиться — или переродиться, укрепиться, стать более аутентичным, адекватным новым условиям. Часто взросление связано с тягостными переживаниями боли, страха, неопределенности и т.д. Лилианна Лунгина, вспоминая, когда она впервые почувствовала, что стала взрослой, связывает его с другим опытом — переживанием несправедливости, предательства близкого человека и вызванного этим страдания: «...Жизнь духа — это все-таки страдание. С первым страданием, с первой болью пробуждается душа, я в этом уверена. В счастье она только купается, она не пробуждается, она себя не осознает до конца. А изведав страдание, потом живет и счастьем. Но пробуждение связано с какой-то болью... И вот в этой боли поворот какой-то произошел, уже как бы к взрослой жизни» (Дорман, 2009).

Однако эта новая жизнь может быть настолько тяжелой и невыносимой, что молодая неокрепшая душа ранится об нее. В качестве примера можно привести Ивана, героя фильма А. Тарковского «Иваново детство». На глазах двенадцатилетнего мальчика фашисты убивают его мать. Это разрушает детскую душу и психику, заставляя мальчика повзрослеть преждевременно. Однако это не истинное взросление. Он по-прежнему остается ребенком по отношению к взрослым, хотя ведет себя как взрослый, принимает взрослые решения и берет на себя отнюдь не детскую ответственность. Мальчик Ваня становится беспощадной машиной по уничтожению фашистов, орудием мести. Однако он не просто убивает, но и сам ищет смерти. Тарковский писал об этом своем герое: «...Если человек разрушается, то происходит нарушение логического развития, особенно когда это касается ребенка. Он сразу представился мне как характер разрушенный, сдвинутый войной со своей нормальной оси. Бесконечно много, более того — все, что свойственно возрасту Ивана, безвозвратно ушло из его жизни. А за счет всего потерянного — приобретение, как злой дар войны, сконцентрировалось в нем и напряглось...» (Тарковский).

Взрослеющий ребенок еще очень слаб, чтобы опираться на себя. Поэтому ему так нужна опора во внешнем мире. И зачастую этой опорой являются родители, выступающие гарантом стабильности и нерушимости его хрупкого мира. А если родители не являются опорой или вдруг перестали ею быть?

Одним из важных условий благополучного взросления является подготовка ребенка к будущей взрослой жизни. Ко всему, конечно, подготовиться нельзя. Но помочь ребенку научиться встречать трудности и несправедливость жизни можно. К этой подготовке есть свои требования: родители не должны лгать ребенку о жизни, устрашать взрослой жизнью или, наоборот, слишком легко и поверхностно относиться к ней. Необходимо помогать ребенку учиться действовать и думать самостоятельно, учиться анализировать события своей жизни и жизни окружающих, учиться делать самостоятельные выводы о жизни. И, пожалуй, главное, чем родитель может помочь своему взрослеющему ребенку — помочь понять и принять, что он, ребенок, не «центр

вселенной». Чтобы «эта жизнь не действовала на нервы» — помочь научиться думать не только о себе.

Офелия и Гамлет: обманутые надежды

А теперь вернемся к Офелии. Девушку воспитывали в атмосфере всеобщей заботы. Нежная, хрупкая, наполовину сирота, любимая младшая дочь и сестра. У нее было все, что полагалось по статусу дочери видного государственного чиновника. И все, что требовалось от нее — радовать папу и быть умницей. С чем она успешно справлялась — до определенного момента. Подготовка ко взрослой жизни заключалась в том, что однажды она выйдет замуж и ей нужно сохранить свою честь и репутацию для будущего мужа. Чтобы потом благополучно перейти из-под отцовского покровительства под покровительство мужа. А «радовать» и «быть умницей» она уже научилась.

Гамлет был иной: самостоятельный, взрослый, умный. Хорошо разбиравшийся в людях, которые окружали его при дворе — поэтому одинокий. Единственный друг Горацио и возлюбленная Офелия — вот вся его поддержка и опора. Жизнь его была полна недоброжелателей, лживых приятелей и подлиз, готовых продать за 30 серебряников. Он ждал от своей женщины, что та будет не только любимой, но и другом, способным понять, утешить, разделить его трудную судьбу, оказать поддержку. Достаточно серьезные, нужно сказать, требования не только для юной девушки, но и для взрослой женщины. Вот такой рядом с Офелией оказался Гамлет. Все у них было хорошо, пока Гамлет не попал в беду и ему понадобилось сочувствие и помощь любимой. Но

оказалось, что Офелия не умела подставить плечо. И не думала этого делать. Ее никто не учил и не готовил к тому, что женщина должна оказывать поддержку мужчине. Ее отец был достаточно сильным человеком, а мамы рядом не было. Образа женщины, помогающей мужчине в трудную минуту, перед глазами не было. Хотя это только на внешнем уровне, на уровне научения. Но есть еще и душевная, внутренняя сторона — человеческое сострадание, сочувствие. Почему Гамлет не появился в ее душе, почему она не смогла почувствовать, посочувствовать, разделить его страдания? Возможно потому, что слишком была сконцентрирована на себе. Всегда другие заботились о ней. Она же ни о ком не заботилась. Ей даже в голову не приходит при встрече расспросить Гамлета о происходящем с ним. Возможно, это было ей не интересно. Что тоже странно — не проявлять интереса к тому, чем живет любимый. Или проявлять интерес, но к определенным темам. Тогда это похоже на буберовские отношения Я-Оно, где Другой — это объект, который интересует в определенном смысле или в связи с определенными вещами, обстоятельствами и т.д. (Бубер, 1995). Но не сам по себе, не весь-как-он-есть. Главное, что интересовало Офелию — любит ли ее Гамлет и возьмет ли в жены. Офелия привыкла к тому, что она объект всеобщей любви и восхищения. Скорее всего, симпатию Гамлета она расценила как вполне закономерное событие. А то, что «разлюбил» — стало неожиданностью и ударом. Когда состоялся обличительный, тяжелый разговор между ней и Гамлетом, Офелию беспокоило только ее «оскорбленное» достоинство. И из всего, сказанного принцем, в том числе из многих справедливых замечаний и обвинений, она услышала только одно: «А не надо было верить... Я не любил вас». А еще она подумала, что принц действительно обманул ее (значит, папа был прав). К тому же бывший жених сошел с ума, и теперь она уже не невеста, а самая несчастная из женщин.

Для Гамлета было не меньшим шоком поведение Офелии. Его ожидания не оправдались. Вместо плеча и утешений — упреки в предательстве, возвращенные подарки и письма. Он чувствует себя вновь преданным, едва оправившись от предательства матери. Возлюбленная даже не потрудилась поинтересоваться, что же с ним происходит на самом деле, почему он так странно себя ведет? Она верит в его наигранное сумасшествие. А он был уверен, что Офелия не поверит, что все поймет правильно, что можно на нее положиться. Офелия оказалась маленькой тепличной девочкой, которая испугалась и сразу побежала жаловаться папе. Девушка ожидала, что приехав, любимый в первую очередь бросится с любовными признаниями к ней в объятья. Это было бы логично для ее сказки. Но в жизни все оказалось иначе. Любимый молчит, ходит мрачнее тучи, о женитьбе не говорит, ведет себя странно. Вот что на самом деле беспокоило Офелию, а не поиск истинных причин его состояния и поведения. Ее заботил не он, а свои собственные переживания. Девушка-девочка не смогла соответствовать ситуации и ожиданиям возлюбленного. Никто прежде не предъявлял к ней таких высоких требований, никто не обижался всерьез, никто не

сомневался в ее чистоте и порядочности. Это был такой вызов со стороны жизни, на который у нее не было ответа.

Зависимость от родителей и двойные стандарты воспитания

Отношения Офелии с отцом и братом также могут помочь нам ее понять. Как уже говорилось, Офелия привыкла быть объектом заботы. Однако в детском мире родители не только заботятся, но и требуют. Полоний, ее отец, искусный интриган и политический игрок, не задумываясь, перевел Офелию из объекта заботы в средство своих интриг. Заставил ее шпионить за Гамлетом, прежде убедив дочь в том, что ее жених — вовсе не жених и никогда таковым не будет. То, во что она верила, на что надеялась, в чем видела свое будущее — оказалось обманом. Отец еще много чего говорил. Главное, что поняла из этого Офелия — что она больше не невеста. Все начало усложняться, и ее детский мир «поехал». И здесь важно понять, почему она не возмутилась такой смене ролей, почему, не задумываясь, согласилась на поступок, который, по сути, был предательством Гамлета и его чувств к ней? Почему безоговорочно поверила отцу и отвергла Гамлета? В чем для нее заключался критерий истины, на что она опиралась, выбирая верить отцу в столь важных для нее жизненных обстоятельствах, где логичнее было бы верить своему сердцу и возлюбленному? Почему она не пыталась оценить всю ситуацию критически? Шекспир в разных местах трагедии обращает внимание на чрезмерную покорность Офелии и даже некоторое ее безволие. Можно было бы отнести такое поведение к нравам времени. Однако Джульетта и Катарина из «Укрощения строптивой», ее современницы, были гораздо свободнее и самостоятельней. Можно предположить, что Офелия была испугана (а может быть, и запугана), как ребенок, столкнувшись с тем, что ее привычный мир начал стремительно меняться. В такой ситуации маленькие дети обычно ищут защиты у взрослых. В каком-то смысле Офелия была маленькой девочкой. Чем бы ей пришлось заплатить за свою независимость и возможность действовать свободно по велению сердца? Рискну предположить, что этой ценой оказались бы отношения с отцом и братом, поскольку ее

«свободные действия» не вписывались в их планы. Послушная и покорная Офелия была им удобна, пока они делали свои «большие политические дела». Поэтому отец с братом запугивали ее взрослой жизнью. Первый акт, третья сцена трагедии, где Полоний учит дочь: правильное сознание «дочернего долга и чести» — это не верить чувствам возлюбленного и «требовать залогов подороже», иначе «...сведя все это в каламбур, под твой залог останешься ты в дурах» (Шекспир, 2011, с. 10). Единственный, кому можно верить — это папа. Брат Лаэрт давно уже живет двойной жизнью. Он быстро разобрался, что, живя по отцовской указке, можно потерять себя и превратить свою жизнь в тюрьму. Лаэрт научился хитрить, лавировать, притворяться. Так он выживал рядом со своим отцом. И надо сказать — неплохо приспособился. Вероятнее всего, Лаэрт мог бы в будущем стать вторым Полонием. Офелии он читает лекции о благочестии, хотя сам ведет довольно сомнительную жизнь (разумеется, втайне от папы). Поскольку Офелия его сестра, с ней он не так тщательно скрывает свою вторую жизнь, поэтому она с сомнением относится к его словам, но все же берет их на вооружение. Офелии страшно оторваться от отца и брата.

В связи с этим вспоминается библейское: «...Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:23-24). Для женщины это значит — принять полное покровительство мужа и выйти из под контроля родителей. Чтобы стать женой и иметь возможность быть с мужем «одной плотью», она вначале должна стать самостоятельной личностью. Для родителей «отлепиться» означает перестать контролировать своего ребенка и оставить на него всякие притязания, признав его автономию и самостоятельность. В противном случае полноценной семьи и подлинно близких отношений между супругами не получится. Как показывает опыт, «оставить» — не так просто. Эта категория подразумевает акт веры, доверия своему супругу. Еще сложнее «оставить», когда находишься в зависимости от родителей, финансовой или эмоциональной. Если нет доверия партнеру, то «отлепление» представляется страшным событием, уходом в никуда, потерей опоры и безопасности.

Случай В.

Молодая женщина тридцати пяти лет на первой встрече выглядела испуганной, неуверенной в себе и подавленной. Ее поведение не соответствовало внешности и интеллектуальному уровню, и это бросалось в глаза. Внешне В. была достаточно привлекательной женщиной, со вкусом одетой, однако держала себя несколько скованно, постоянно извинялась за свою неловкость, ей казалось, что она занимает слишком много места. В. также испытывала неудобство от того, что занимает время психолога, хотя это время было ею оплачено. Своим поведением она как бы проверяла, действительно ли ее принимают, потому что после заверений в том, что с ней все нормально, она совершенно успокоилась и расслабилась. В. пришла за помощью: она не могла самостоятельно разобраться в отношениях с мужем. Ее мучили сомнения в его любви. Срок давности этих сомнений — десять лет, их браку столько же, ребенок на год моложе. Речь В. была насыщена детскими интонациями, особенно когда она рассказывала о своих обидах на мужа и претензиях к нему. Главной претензией было то, что муж много времени отдает работе и мало времени проводит с ней и сыном. Так было с самого начала их отношений. Она надеялась, что муж «одумается» и поменяет свое отношение к работе, но за десять лет ничего не изменилось. Это угнетало ее, и она часто задумывалась о разводе. В. считала, что муж поступил с ней несправедливо, поставив, по ее мнению, работу на первое место.

Разбирая ситуацию с мужем, мы выяснили, что при всех «недостатках» у мужа есть и достоинства. Например, он полностью обеспечивает семью, практически ни в чем не отказывает жене, организует совместные поездки на отдых. Насколько позволяет свободное время, занимается с ребенком, готовит вместе с В. ужин в выходные и, несмотря на сложный рабочий график, почти все праздники проводит с семьей. Настораживало то, что В. подобную заботу мужа не выделяла, а считала ее само собой разумеющейся нормой. Ей чего-то не хватало, но сама она не могла четко сформулировать, чего именно. Видно было, что она страдает от своих сомнений, но не менее очевидным был факт, что почвы для этих сомнений нет. Нужно было понять, что значит для В. не верить в любовь мужа. В. подбирала очень убедительные, на первый взгляд, аргументы. Иногда складывалось впечатление, что она не говорит, а убеждает. Дальше мы старались понять, зачем В. важно доказывать, что муж ее не любит. Кого она на самом деле убеждала, а главное — зачем?

В ходе работы у В. обнаружилась «сверхценная идея», которая заключалась в необходимости чувствовать себя любимой. Малейшее сомнение выводило ее из состояния равновесия, а более серьезные подозрения вызывали периоды тяжелой депрессии. Подобное происходило не только в отношениях с мужем, но и в прежних отношениях. Для В. почувствовать себя любимой была давняя проблема. Прежние отношения она заканчивала сама, когда уже не могла выносить неизвестности или когда понимала, что обманулась. У нее была некая картинка того, как должен вести себя мужчина, который ее любит. Картинка совпала с реальностью полностью лишь однажды, и эти отношения закончились для нее большими душевными и эмоциональными потерями. В. не очень доверяла своим ощущениям, поэтому постоянно искала поддержки и подтверждения своим мыслям и чувствам у других. Мучавший ее вопрос «Ты меня любишь?» вызывал ощущение некой неправильности. Скорее это был вопрос, который она боялась задать не только мужу, но и самой себе: «Я тебя люблю?»

Мы искали причины ее сомнений и наткнулись на отношения с отцом. Контролирующий, не терпящий возражений отец относился к дочери как к своей собственности. Он всячески подавлял свободу дочери, ее способность действовать и мыслить самостоятельно. При этом он постоянно повторял, что В. — самое главное и ценное в его жизни и он никому не позволит ее обидеть. Сам же не церемонился в обращении, оправдываясь тем, что обязан воспитать ее достойно, «чтобы в жизни было легче». Таким образом, строгое обращение выдавалось за очень специфическую форму заботы и любви. В. было достаточно сложно выйти замуж и вообще строить отношения с мужчинами. Кандидаты должны были проходить внимательный отцовский отбор. В. признавалась, что очень страдала от того, что отец никогда не одобрял ее выбор. В. очень хотела угодить отцу, получить его одобрение (что вообще было трудно сделать). Она «старалась» влюбляться в мужчин, которые, по ее мнению, могли бы понравиться отцу. Но все было напрасно. Казалось, при всех заверениях отца, что он хочет ей самого лучшего мужа, на самом деле ему не хотелось отдавать ее другому мужчине, не хотелось терять контроль. Когда же молодой женщине все-таки удалось выйти замуж, не дожидаясь одобрения, отец болезненно переживал это событие. Он всячески пытался «участвовать» в делах молодой семьи. Ему даже удалось уговорить дочь сделать ему дубликат ключей от их с мужем дома. Когда муж об этом узнал, уже постфактум, он расценил это как предательство со стороны жены, после чего они долго не разговаривали. В. ничего подозрительного в желании отца иметь ключ от их дома не усмотрела, поэтому в свою очередь долго обижалась на мужа.

Складывалось впечатление, что настоящая семья у В. была не с мужем, а с отцом. Отец не раз ставил под сомнение верность ее мужа. Для В. было очень страшно не верить мужу, но в то же время у нее не было оснований не доверять отцу. В жизни с папой все было понятно и определенно, даже к его «заботе» можно было привыкнуть. А муж был совершенно не похож на отца: скромный, спокойный, молчаливый. В. считала его отстраненным, ей так казалось. Особенно в сравнении с отцом, от которого, по ее словам, «невозможно было спрятаться».

На вопрос «Любите ли Вы мужа?» В. ответила неожиданно: «Я бы хотела его любить, но боюсь обмануться, боюсь довериться». Когда мы стали выяснять, что для нее легче — быть папиной дочкой или женой мужа — она ответила, что папиной дочкой быть привычнее, хотя и не легко. Однако, несмотря на страх довериться и полностью положиться на мужа, ей хотелось бы быть ему настоящей женой.

В реальности стать женой своему мужу означало для нее повзрослеть. Позволить себе выйти из-под родительского контроля, сознательно отказаться от родительской опеки. Вместо этого взять ответственность за себя и свою семью: сына и мужа. Научиться самой заботиться о себе и близких. То, что муж побуждал ее к самостоятельности, к ответственности, к принятию собственных решений, к автономии от родительской семьи, она принимала за нелюбовь. «Молчаливость» и «отстраненность» мужа была вызвана тем, что он отчаялся получить поддержку и понимание жены, устал отбиваться от ее многочисленных претензий, упреков и обид. В чужой для него семье папы и дочери он чувствовал себя третьим лишним, что добавляло ему одиночества.

В ходе терапии В. впервые по-настоящему обратила внимание на своего мужа и проявила готовность менять свою жизнь. В. осознала, что ее отношения с мужем страдают оттого, что она так и не сделала окончательный выбор. Выйдя замуж, она продолжала сравнивать отца и мужа, выбирая, кому из них себя доверить, кто будет о ней лучше заботиться, тем самым загоняла себя в тупик. В терапии В. встретилась со своим страхом перед взрослой жизнью, где необходимо самой о себе заботиться и учиться выживать в разных обстоятельствах.

В отношениях с папой оставаться маленькой девочкой означало получать гарантированную поддержку. Но в отношениях с мужем «стратегия маленькой девочки» не сработала. Поэтому В. чувствовала себя обманутой, брошенной и нелюбимой.

Помощь в терапии для В. заключалась в том, чтобы использовать то, что уже у нее было. А именно, увидеть и использовать те перспективы для развития и взросления, которые дают ей отношения с мужем. Это, в свою очередь, побудило ее искать возможности усиления связи с собой, учиться больше доверять своим чувствам и действовать более самостоятельно.

Заключение

Экзистенциальное понимание сумасшествия, предложенное Л. Бинсвангером, основано на исследовании того, что происходит в жизни человека (Бинсвангер, 1999), а так же на стремлении понять, какое место в его жизни занимает сумасшествие.

Мы увидели, как, вероятнее всего, была устроена жизнь Офелии и в каких отношениях с ней находилась та до и после трагических перемен. Случай В. дает возможность дополнить эту картину. Из рассмотренного становится ясно, что Офелия сбежала в сумасшествие от невыносимых для нее, внезапно образовавшихся жизненных сложностей, с которыми она не сумела справиться и к которым не была готова.

Жизнь Офелии стремительно усложнялась. Она поставила перед девушкой сложные нравственно-этические вопросы. Офелия оказалась в ситуации, где ей пришлось пережить целый комплекс тяжелых чувств: горя, вины, обиды, позора, страха. Трудности «навалились» на Офелию за короткое время, так, что некогда было опомниться, осмотреться, сориентироваться, «переварить» происходящее. Жизнь «втягивала» Офелию в свой водоворот, выжить в котором значило бороться, «выкарабкиваться», «выплывать».

Мне кажется, что У. Шекспир не случайно предложил образ стремительного речного потока, который подхватил и унес в небытие не сумевшую удержаться (за жизнь?), лишившуюся опоры, беспомощную, несопротивляющуюся Офелию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексейчик А. Библиотерапия // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2005. № 1 (6). С. 19 36.

2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.

3. Большанин А. Живее нас «живых»: Краткая история моего незабываемого пребывания в психушке // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2010. № 1 (16). С. 51-56. [Электронный ресурс] URL: http://www.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id =633:-lr-2010&catid=58:-16&Itemid=59.

4. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1995. С. 16-92.

5. Денискова Е. «Побег в сумасшествие» через призму экзистенциального анализа Л. Бинсвангера: случай Ивана Карамазова // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2011. № 1 (18). С. 53-68.

6. Дмитренко В. Неклассическое видение психических расстройств, или Маленькая дверь и другой мир // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2008. № 2 (13) С. 114-124. [Электронный ресурс] URL: http://www.existradi.ru/index.php?option=com_content&view= article&id=263:2009-08-08-13-01-04&catid=50:-13&Itemid=59.

7. Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2009.

8. Ромек Е.А. К вопросу о противоречиях концепций душевной болезни // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2002. № 1 (1). С. 48-62. [Электронный ресурс] URL: http://www.existradi.ru/index.php?option= com_content&view=article&id=614:2009-09-26-17-00-27&catid=37:-1&Itemid=59.

9. Севела Э. Зуб мудрости. СПб., 2002.

10. Тарковский А. О фильме // «Иваново Детство» Андрея Тарковского. [Электронный ресурс] URL: http://tarkovsky.su/films/ivan-childhood.

11. Тимофеева Е. Сумасшествие Настасьи Филипповны // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2013. № 1 (22). С. 62-69.

12. Шекспир У. Гамлет, принц Датский: Трагедия / Пер. Б. Пастернака. СПб., 2011.